

с. 2.

Литературная летопись.

Апрельская книжка «Русской Мысли» принесла интересную новинку: рассказ г. Чехова «Мужики». Талантливый художник так давно уже ничего не писал, — я не считая его во всех отношениях неудавшегося «Чайки», — что новое его произведение, конечно, будет прежде всего и с жадностью прочитано всеми, кто еще дорожит интересами родного слова. И «Мужики» вполне стоят этого внимания, несколько не уступая лучшим произведениям автора. В стилистическом и безбрежном «современном» произведении бедности (какое противное слово!) говорить не приходится; критики совершенно с ним согласны, — но понаблюдав внимательно, что слово как раз (кстати) мальчишья разгадка г. Чехова является настоящим оазисом, от которого веет свежестью неподкрашенной жизни и безыскусственной правды, доступной только сильному таланту. Автор не «отрывается» ни от какой «идеи», не задается никакими нравоучительными задачами, не руководится никакими «направленными» — он просто и «инстинктивно» рассказывает самую простую, самую обыкновенную историю о том, как половил из московского трактира, вынужденный по болезни бросить свое место, приезжает умирать в свое родное деревню к отцу, матери и брату. — Приезжает с своей женой и маленькой девочкой-дочерью, и как все трое оказываются с сама же начала совсем лишними и неуловимыми в той нишей, пьяной, темной и большой среде, в которую бросила их безжалостная судьба. Рядом, отрывочными чертами обрисовывается перед нами на общем, безотрадном фоне деревенского гнетящегося пейзажа «мужиков» и баб, с их душевным обликом, печалью и радостью, житейскими заботами и тупой, пассивной покорностью тяжелой судьбы. В этих лаконичных картинах, не одобренных никакими прикрасами и сантиментами, разожжены, развертываются глубокая житейская драма, страшная в своей реальности и неотвратимой бедности. Здесь мелькают перед нами все величайшие моменты жизни мужика, начиная с его безжизненным, пьяным заглохшим, разоренным от недомогания, пожара, — и обычная бедность за работой в долгие зимние вечера...

Единственным проблеском в этой темной ночи могла бы быть религия: но «Старик» не верил в Бога, потому что никогда не думал о Нем; он признавал сверхъестественное, но думал, что это может касаться одних лишь баб, и когда говорили при нем о религии или чудесах, и задавали ему какой-нибудь вопрос, то он говорил нехотя, потешаясь.

— А кто же его знает! — Баба ввела, но как-то тускло: все перемешалось в ее памяти, и одна она начинала думать о грехах, о смерти, как вужда и заботы перехватывали ее мысли, и она тотчас же забывала, о чем думала. Молитвы она не помнила, и обыкновенно по вечерам, когда спала, становилась перед образами и шептала:

— Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троицкой Божьей Матери...

Марья и Фекла (ее невестки) крестились, говоря каждый год, во что-то не понимая. Дети не учились, ничего не говорили им о Боге, не внушали никаких правил и только запрещали в пост быть скоромным. Мало кто верил, мало кто понимал: в то же время все любил (священное Писание, любил иже-но, благоговейно, — но не было книг, никому было читать и объяснять).

Инстинктивное религиозное чувство пробуждается только в особенные, редкие минуты. Так было, например, когда по всему уезду, из деревни в деревню, носили «Являющуюся»:

... Все протягивали руки к иконке, жадно глядя на нее и говорили: плача:

— Заступница, матушка! Заступница! — Как будто вдруг поняли, что между людей и небом не усто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита от обид, от рабской неволи, от тяжелой, невыносимой нужды, от страшной воли...

— Заступница, матушка! рыдала Марья. — Матушка!

Но отпустили молебень, унесли икону, и все пошло по-старому, и опять послышался из трактира грубые, пьяные голоса...

Встреченная бабкой дѣвочкой утѣшаются тѣмъ, что «баба горѣть будетъ», а онъ въ рай пойдетъ... Жена московскаго пришельца, Ольга, была грамотная и выучила грамотѣ свою дочку:

Она каждый день читала Евангеліе, читала вслухъ, по-дѣвчковски, и многого не понимала, но святыя слова трогали ее до слезъ, и такія слова, какъ аще и доиде же, она произносила со сладкимъ замираніемъ сердца. Она вѣрила въ Бога, въ Божію Матерь, въ угодниковъ, — вѣрила, что нельзя обижать никого на свѣтѣ, — ни простыхъ людей, ни пѣщевъ, ни евреевъ, и что горе даже тѣмъ, кто не жалѣетъ животныхъ, вѣрила, что такъ написано въ святыя книги, и потому когда она произносила слова изъ Писанія даже непонятныя, то лицо у нея становилось жалостливымъ, умилненнымъ и свѣтлымъ.

Ита Ольга, съ своей безсознательной, но доброй вѣрой, является кимолетнымъ лучомъ свѣта въ окружающемъ темноту царствѣ. Недаромъ, когда она, схоронивъ мужа, уходитъ съ дочерью назадъ, въ Москву, побираясь по дорогѣ Христовымъ именемъ, остающаяся дома ея золовка

Марья, подлусмерти заколоченная своимъ пьяницей-мужемъ, голосить, припадая лицомъ къ землѣ:

— Опять я одна осталась, бѣдная моя головушка, бѣдная-несчастная...

Въ послѣдніе годы въ нашей журналистикѣ проявилось новое направленіе, гордо усвоившее кличку научнаго, даже «философскаго»; оно призываетъ мыслящихъ людей подѣлать знаменитѣйшаго экономическаго материализма и очень любить съ усмѣшками упрекать «семидесятиниковъ» — народниковъ въ сентиментальничанье, насчетъ «мужичка». Но едва-ли даже и эти цѣнители и судьи, столь строгіе къ другимъ и столь снисходительные къ самимъ себѣ, могутъ обратиться съ подобнымъ угрожомъ къ г. Чехову. У него нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія тенденціозно сгущать темныя краски своей картины. Напротивъ, если ужъ непремѣнно нужны упреки, такъ у него скорѣе можно замѣтить желаніе не то что заглушить особенно рѣзкія мѣста картины, а, такъ сказать, подернуть ее флеромъ, сквозя который она не казалась бы такой грубой, какъ настоящая, голая правда. Хотите видѣть эту правду во всей ея ужасающей наготѣ, прочтите въ «Внутреннемъ обозрѣніи» апрѣльской книжки «Новаго Слова» небольшую статейку «Провинціальныя картинны» (изъ наблюденій съчетчиковъ). (Статька эта состоитъ почти сплошь изъ однихъ только выписокъ изъ провинціальныя газетъ и корреспонденцій, представляющихъ нашему «просвѣщенному вниманію» одни только факты, безъ всякихъ разсужденій и комментариевъ: краснорѣчіе этихъ фактовъ, — самыхъ обыкновенныхъ въ русской жизни, — дѣлаетъ излишними всякія пространныя поясненія.)

Извѣстно, съ какими затрудненіями и даже прискорбными недоразумѣніями прошло у насъ такое, повидимому, простое и элементарное дѣло, какъ всеобщій перепись нынѣшняго года. Провинціальная печать отиѣтила множество случаевъ самаго пошлаго самодурства, въ какихъ отнеслись къ этому важному государственному акту представители нашего такъ называемаго «небѣдомо, за что», «культурнаго класса»; въ числѣ дикарей оказались и чиновники, и земцы, и предводители дворянства, и купцы; въ большомъ университетскомъ городѣ на цѣлый переписной участокъ пришлось только одинъ правильно написанный листокъ, принадлежавшій профессору... Въ народной массѣ перепись вызвала цѣлый рядъ самыхъ фантастическихъ ожиданій и опасеній. Съ одной стороны, многіе ждали отъ нея облегченія разныхъ укоренившихся у насъ и, въ большинствѣ случаевъ, совсемъ ненужныхъ формальностей, а также и полицейскихъ преслѣдованій за «безпись-

менновидность»; надѣялись на прирѣзку земли и даже съ увѣренностью толковали о какомъ-то «китайскомъ клинѣ», изъ котораго, будто-бы, всѣмъ должно достаться по клочку; съ другой стороны, пессимисты, — а такихъ, повидимому, было большинство, — боялись прибавки налоговъ, поговаривали о возвращеніи барщины, о поголовной солдатчинѣ, о томъ, что начальство хочетъ устроить фабрики и заводы, на которыхъ и заставить работать бесплатно, о ссылкѣ всѣхъ переписанныхъ на Амуръ, и т. п. Молодыя дѣвки съ ужасомъ ожидали, что ихъ перевезутъ на Новую землю и тамъ выдадутъ замужъ за самоѣдовъ, у которыхъ всѣ бабы перемерли отъ чумы, — ни дать, ни взять, какъ въ 1714 году, когда по случаю ревизіи по деревнямъ ходилъ слухъ, что царь хочетъ всѣхъ дѣвокъ отправить въ «Стекольное государство» (Стокгольмъ) и тамъ выдать за бусурманы: а въ это было 183 года тому назадъ!... Нечего ужъ и говорить о томъ, какъ встревожила перепись сектантовъ и инновѣрцевъ, ожидавшихъ отъ нея поголовнаго насильственнаго обращенія въ православіе... Все это — темы для самыхъ невеселыхъ размышленій.

Условія, въ которыхъ производилась перепись, и отношеніе къ ней населенія, не дикаго только, но и «культурнаго», конечно, заставляютъ сильно сомнѣваться въ статистическомъ точности ожидаемыхъ отъ нея результатовъ. Но вотъ что, къ несчастію, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній: это — тѣ ужасающія картины всевозможныхъ лишеній, нищеты, горя и отчаянія, съ которыми то и дѣло приходилось встрѣчаться съчетчикамъ при посѣщеніи городскихъ и деревенскихъ жилищъ. Газеты полны такими правдивыми разсказами объ этихъ страшныхъ впечатлѣніяхъ, которыя далеко оставляютъ за собою и картины, нарисованныя Чеховымъ, и представленія самой пылкой фантазіи. «Страшно становится за этихъ обездоленныхъ людей», говоритъ корреспондентъ Минскаго Листка, — и не хочется вѣрить, что у насъ есть столько страждущихъ; а между тѣмъ, за это говорить неумолимыя цифры... «Въ каждую хижину ни взглянешь», пишетъ съчетчикъ изъ саратовскаго уѣзда, — непролазная грязь, бѣдность; атмосфера пропитана специфическимъ запахомъ... Вмѣстѣ съ телятами и поросятами копошатся бѣдные, оборванные дѣти со впалыми глазами. Невольно торопишься поскорѣе кончить опросъ и вырваться наружу, чтобы вздохнуть полной грудью. На дворахъ и въ закоулкахъ вору представляются цѣлыя груды всевозможнаго мусора и нечистоты»...

— «О той тѣмѣ и скуке населенія

зия, которая бросается в глаза в Бату-
и, может дать понятие следующую при-
хоть: на просторах 200 кв. саж. рас-
положены дворы и три флигеля, и больше
30 квартир по одной комнате, — а в
этих квартирах живут в среднем по
5 человек, т. е. почти 200 человек в
доме. Но и это далеко не худшее. Один
из счетчиков нашел такое жилое по-
мещение: недалеко от вокзала, в конюш-
не, среди разлагающихся твердых и жи-
дных нечистот, живут человек 15 жен-
щин и детей всевозможного возраста,
начиная от грудных. Это жены и дети
недавно пойманных контрабандистов.
Смрадь в помещении такой, что святому
человеку дышется душно. А несчастные
дети и женщины живут там!

— Вот, перед нами покосившаяся ка-
та, с подслеповатыми и заткнутыми
тряпками окнами. Дверь в сени завале-
на изнутри, — и мы с сельскими старостой
долго стучались, пока нам не отперла
грязная баба с подоткнутым подолом.
В темноте снхивать мы ощущаем не-
большую дверь в хату и, сильно наклон-
ившись, чтобы не получить удара о на-
висшую притолку, входим в помещение,
где зябко обитают вместе и люди, и ку-
ры, и свиньи, и телата, и ягнята, — которое
имеется в переписных бланках "жи-
лое". Темнота в хате непроглядная: окна
мало пропускают света в жилище, заня-
тое многочисленными и разнообразными
обитателями. Я записал всю семью: ока-
залось восемь душ... (В деревнях) атмос-
фера в хатах удручающая с испаре-
ниями от находящихся там животных,
так что ко коню обхода буквально оду-
риваешь от непрерывного воздуха". (Смо-
ленский уезд).

— "Рабочая армия (города) ютится в
хворостяных или глинобитных маза-
ках, большинство которых, несмотря на
высокое положение (мѣстности), сыры
и холодны. Скудность населения здесь
поражающая. Мнѣ встречались такія квар-
тиры, гдѣ на пространствах каких-нибудь
двух квадратных саженей живет семья,
состоящая из десяти и даже пятнадцати
душ. Воздухъ въ такихъ помещенияхъ
до того убийственный, что отворяя двери,
невольно подымается асфальт. Въ нехъ, ка-
жется, все есть, кромѣ элементовъ чистого
воздуха. — Дымъ, испарения, сырость, запахъ
подгорѣлаго сала, человѣческій выпотъ
и огромное содержание углекислоты.
Помещения не вентилируются, отчасти изъ
экономии топлива. Всякая дверь, въ ко-
торую могъ бы проникнуть свѣжій воздухъ,
тщательно законопачивается тряпками, во-
ночными тряпками. Такое стремленіе къ
экономии на топливѣ ставитъ влѣдъ по-
нятиямъ, если принять въ соображеніе,
что на двуривенный, вырабатываемый
хозяиномъ, кормится семья изъ 9—10 душъ...

Всюду поражаетъ обиліе дѣтей, и я могу
наверное сказать, что молодое поколѣніе
составляетъ добрыхъ двѣ трети переписи:
сани: то мною населеніе... Я записалъ одну
семью, глава которой — новоящикъ; онъ
редко бываетъ дома, когда вся семья
въ сборѣ, — и прижадетъ домой толь-
ко на ночь. Онъ постоянно путается
имея своего многочисленнаго потомства и
считаетъ его, "на штукъ". На ночь всю
эту молодую полураздѣтую орду загоняетъ
въ комнату, спятъ они, если послѣ про-
вѣрки на лицо — 9 "штукъ" — значитъ, всѣ
дома! Попадались (странныя) супружества
напримѣръ: ему — 72 года, ей — 28 лѣтъ.
При нихъ куча дѣтей, малъ-мала мѣшеч-
ко, ошившаяся сука, поросенокъ и пара
куръ, — вся эта компанія закинь-то обра-
зомъ умудряется распределиться въ ма-
зерной конурѣ и даже находить возмож-

ность двигаться въ ней". (Елисавет-
градъ).

— "Вотъ, напримѣръ, избушка, стѣны
которой сдѣланы изъ какого-то неопредѣ-
леннаго матеріала. Не то изъ дерева, не
то изъ глины. Грязь ужасная, хотя въ
избушкѣ и наслана кое-какой полъ! Вся
избавка — не болѣе двухъ квадратныхъ са-
женей, съ ординарными рамами, на поло-
вину засыпанными опилками... Въ этомъ
хлѣбѣ ютится 10 человекъ взрослыхъ и
ребятъ. Это выходцы изъ молдавской де-
ревни, которые, сравнительно, недавно
пришли въ городъ, такъ какъ въ деревнѣ
имъ совсѣмъ нечего кормиться. Главъ
семьи занимается нищенствомъ, двое же
взрослыхъ мужиковъ ходятъ на полуденную
работу, бабы по имамъ ничего не дѣла-
ютъ. Все это насеніе ютится на печкѣ и
на одной кровати, которая въ то же вре-
мя служитъ и для сидѣнія во время дѣла,
такъ какъ иначе въ кельѣ негдѣ повер-
нуться". (Самара).

И такъ живутъ миллионы людей, —
тѣ массы, которыя служатъ слѣпымъ
субстратомъ "культуры"!

"Вспомните же это", говоритъ одинъ
провинциальный корреспондентъ, — "и я
уверенъ, что вы скажете: нѣтъ, такого
порядка вещей терпѣть нельзя, нужно
обратить на него самое серьезное вниманіе
и принять противъ него самыя рѣшитель-
ныя мѣры... Что мы, образованные и счаст-
ливые люди, дѣлали для того, чтобы под-
нять этотъ лѣтъ материально и духовно?
Вызываетъ ли онъ въ насъ чувство дѣй-
ствительной любви къ человѣку, потребно-
сти въ немъ подлѣ толстой корой грязи и
засохшихъ жезъ? Не вызываетъ ли въ
насъ видъ этихъ жалкихъ, погибшихъ од-
ного отравленія? А въ лучшемъ случаѣ —
не проносимъ ли мы мимо ушей и глазъ
то, о чемъ, кажется, скоро возожеть кам-
ни?"

"Если да, то на насъ, образованныхъ и
счастливыхъ людей, лежитъ отвѣственно-
сть за то, что творится въ своеобраз-
номъ "мірѣ отверженныхъ".

Вотъ живая иллюстрація къ разска-
зу Чехова. Художникъ не отступилъ отъ
жизни; онъ только постарался показать
намъ въ этихъ сухихъ "статистиче-
скихъ данныхъ" живую человѣческую
душу, безропотно гибнущую въ стра-
шномъ мракѣ небытія и нищеты...
Заслуживаетъ ли онъ за это упрека
въ "сентиментализмъ"? И вообще, тѣ
молодые господа, которые съ легкимъ
сердцемъ бросаютъ такой упрекъ въ ли-
цо "сѣмидесятикамъ", похваляясь пе-
редъ нами своей научностью и своей
"марксистской" — что они-то сами
даютъ намъ взамѣнъ прежняго? Воля
ваша а я все не могу отдѣлаться отъ
мысли, что пространныя и туманныя
"философскія" разсужденія и "стро-
го-научныя" фразы часто служатъ
только прикрытіемъ самаго грубаго
опортюнизма и равнодушія, обращающа-
го въ мертвящую схоластику, которая
задаетъ всякую живую мысль. Отъ
души желаю ошибиться; но мнѣ все
припоминается вопросъ, заданный еще
18 лѣтъ тому назадъ: "Собираетъ
ли съ терновника винограды или съ
репейника смоквы?"

Тотъ же грустный вопросъ неосту-
пно стоялъ передо мною, когда я чи-
талъ въ "Русской Мысли" только что

оконченную повѣсть г. Свѣтлова
"Уголокъ Колхиды". Авторъ изобра-
жаетъ Кавказъ и "просвѣщенную сре-
ду" нашихъ культуртрегеровъ въ этомъ
полудикомъ краѣ. Собственно, содер-
жаніе или, какъ говорится, "интрига"
повѣсти очень скучна и банальна:
все дѣло въ томъ, что петербургскій
чиновникъ, женатый на танцовщицѣ,
скрывающей этотъ бракъ отъ "обще-
ства", призываетъ, вместе съ нею, въ
одну изъ кавказскихъ губерній, въ
качестве состоящаго по особымъ по-
рученіямъ при опереточномъ губер-
наторѣ и пламенной багъзаксеской
губернаторшѣ. Попадая въ кругъ, не
оченькихъ интересовъ, кромѣ
сплетенъ и пошлыхъ амуровъ, молодой
администраторъ начинаетъ ухаживать за
барышней "конца вѣка", поразившись
ея оригинальностью и бравированьемъ
"приличій", продѣлываетъ съ нею раз-
ныя сентиментальности, но въ концѣ
концовъ получаетъ отъ нея репримандъ
и, рѣшивъ разойтись съ женой, пу-
скается въ усиленную карьеру. Все
это, разумеется, рѣшительно никому
не нужно, — и самъ авторъ повѣсти
сознаетъ это, говоря устами одного
изъ своихъ лицъ, резонирующаго Ста-
родума-доктора: "Если бы я былъ ро-
мансистомъ, я бы васъ никогда не
взялъ въ герои моего романа, — слы-
шкомъ вы ничтожны и неинтересны"...
Но въ повѣсти есть другая сторона
и другой умыселъ, ради котораго она,
собственно, и написана:

— "А впрочемъ... продолжайте докторъ,
— какъ извѣстный типъ эпохи, какъ си-
нѣтъ людей вашего времени, вы, пожалуй",
и представляете интересъ. И даже, пожа-
луй, будущіе историки вѣдній и направле-
ній нашего общества будутъ васъ разби-
рать и опредѣлять вамъ свое мѣсто, свою
полочку, на которой будетъ приклеены
ярлычекъ: "люди — Нарисоны, лишенные
чувства социальности и плававшие по морю
жизни безъ руля и безъ вѣтриль"...

"У васъ нѣтъ серьезныхъ запросовъ къ
жизни", говорить въ другомъ мѣстѣ тотъ-
же Стародумъ. "Вы больше всего цѣните
собственную удобствъ. Ради этихъ удобствъ
и удовольствій своихъ желаній вы спо-
собны принести въ жертву чужія удобства
и чужія желанія. Вамъ рѣшительно все
равно, что кругомъ васъ дѣлается: могутъ
рушиться государства, можетъ переиз-
мениться форма правленія, измѣнится гос-
подствующее направленіе, — и если при
этомъ вы останетесь неприкосновенны, то
вамъ до всего этого и гора мало. Вы паль-
цемъ не пошевельните для блага ближняго.
У васъ нѣтъ альтруистическихъ чувствъ,
чувствъ социальных. У васъ нѣтъ анали-
за. Вы — нули. Сколько бы васъ ни было, —
вы не составите внушительной цифры.
Вы — пузыри, образовавшиеся на устаю-
щейся водѣ послѣднихъ десяти-пятнадцати
лѣтъ, которую насильно закружили. Она
хоть медленно, а бѣжала; ее оставили, и
вотъ, на ней пошла плѣсень и пузыри.
Въ такія эпохи общіе вопросы жизни отхо-
дятъ на второй планъ. За неимѣніемъ
общихъ вопросовъ жизни, люди начинаютъ
копаться въ самихъ себѣ, и выдвигаются
вопросы личные, вопросы единичнаго са-
мосовершенствованія. Этимъ объясняется
усиленъ проповѣди Толстого. Воздвигаются

вопросы о куреніи табака, который бу-
ды одурманиваетъ совѣсть, о вегетариан-
ствѣ, о непротравленіи яду. Если бы я спра-
силъ васъ: во что собственно вы вѣрите,
что исповѣдуете? — вы бы стали втуки-
ть: пузыри, которые должны же когда-
нибудь лопнуть. Историческій ходъ вещей
ничѣмъ же когда-нибудь закружитъ, и вода
снова побѣжитъ впередъ. Ну, а когда вода
снова побѣжитъ впередъ, вы уже не будете. Никто
васъ не вспомнитъ, никто не придетъ въ
вашу могилу пролить слезы".

Характеристика жестокая, безпощад-
ная, — но, положи руку на сердце, —
развѣ можно отказать ей въ справед-
ливости? Конечно, такіе "пузыри"
всегда бывали и прежде; но прежде
они были мало замѣтны, а въ наше
время стали плодиться и множиться
и играть роль даже тамъ, гдѣ о нихъ
уже давно не было слышно... И развѣ
современная такъ называемая "филосо-
фія", съ ея проповѣдью холоднаго
"научнаго" индифферентизма, не стрѣ-
мится обосновать и оправдать суще-
ствование этихъ пузирей? Да, вѣрнѣе,
"когда люди спали, пришелъ врагъ и по-
сѣялъ между пшеницею плевелы", — и мы
пожинаемъ теперь ихъ горькіе плоды.

Чтобы покончить съ повѣстью г.
Свѣтлова, приведу изъ нея еще одинъ
небольшой отрывокъ, рисующій нашу
культурную миссію на Кавказѣ:

"Мы внесли какую-то мелкую, мучи-
тельную для обѣихъ сторонъ партизан-
скую войну вмѣсто умиротворенія", гово-
ритъ авторъ устами все того же своего
Стародума. "Мы не сумѣли сдѣлать два
когда-то враждебныхъ элемента, не сумѣ-
ли умиротворить, объединить ихъ. Мало
вѣдь того, чтобы тысячами только болѣли
администрація — надо, чтобы они ей до-
вѣряли и уважали ее. Никто не шлетъ къ
намъ служить изъ любви къ праву, изъ
искренняго желанія принести ему пользу.
Мы вообще не народолобы, мы — своего-
рода не знаемъ и не любимъ. — Гдѣ
же намъ знать, интересоваться и любить
чужой народъ? Кто у насъ шлетъ добро-
вольцо въ деревню? Кто изучаетъ свойства
духа нашего мужика? Кто или идеализи-
руетъ, или поноситъ; серьезнаго отноше-
нія къ нему нѣтъ до сихъ поръ. Какъ же
вы хотите, чтобы мы относились серьез-
но къ какимъ-то дикарямъ-кавказцамъ? Ру-
сскій интеллигентъ по преимуществу инди-
ферентен; онъ ничѣмъ не интересуется,
кромѣ того, что касается его лично, его
уажики, утилитарныхъ вопросовъ... Русскіе
интеллигентные люди занимаются на Ка-
вказѣ игрой въ винтъ, пьютъ казенна-
скаго и всякаго вида флиртами. Нѣтъ,
гдѣ ужъ намъ выступать въ роли кул-
туртрегеровъ! Кавказъ отдѣленъ высокою
стѣною отъ цивилизаціи, отъ просвѣще-
нія, — и никто изъ васъ, изъ молодежи,
никто не хочетъ начать подкапывать эту
стѣну. Вамъ кажется гораздо болѣе инте-
реснымъ дѣлать открытія въ душѣ нате-
ресной барышни".

О томъ, какія "открытія" возможны
въ наше время въ этой области, чита-
тель найдетъ много поучительнаго въ
разсказѣ г. Авеѣнко "Свѣдѣніе
путешествіе", въ послѣдней книгѣ
"Сѣвернаго Вѣстника". Впрочемъ, объ
этомъ — до другого раза: слишкомъ
уже невесело пускаться теперь еще
и въ эту сферу. Богъ съ ней.

Лѣтосицецъ.